

*На правах рукописи*

**Батченко Виктория Сергеевна**

**Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929-1931 годах (на материалах Западной области)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Автореферат**

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Брянск – 2015

Работа выполнена на кафедре истории России  
ФГБОУ ВПО «Смоленский государственный университет»

**Научный руководитель:**

доктор исторических наук, профессор  
**Кодин Евгений Владимирович**

**Официальные оппоненты:**

**Леонтьева Татьяна Геннадьевна** – доктор исторических наук, профессор,  
ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», исторический  
факультет, декан

**Сухова Ольга Александровна** – доктор исторических наук, профессор,  
ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», кафедра  
«История России, краеведение и методика преподавания истории»,  
профессор

**Ведущая организация:**

ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита состоится «24» декабря 2015 г. в 13 часов на заседании  
диссертационного совета ДМ 212.020.02 при Федеральном государственном  
бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального  
образования «Брянский государственный университет им. академика И.Г.  
Петровского», 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального  
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего  
профессионального образования «Брянский государственный университет  
им. академика И.Г. Петровского» и на сайте <http://istsovet-brgu.ru>.

Автореферат разослан «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2015 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
кандидат исторических наук

А.В. Федин

## I. Общая характеристика работы

**Актуальность выбранной темы.** Преобразования, затронувшие деревню на рубеже 1920-1930-х годов, стали одним из наиболее болезненных эпизодов взаимоотношений государства и общества в постреволюционный период. Ломка экономических, культурных и бытовых традиций на данном этапе привлекает в последние десятилетия все более пристальное внимание исследователей, в том числе и к проблемам проведения антирелигиозной политики в период коллективизации и раскулачивания.

Можно по-разному относиться к оценочным суждениям, предлагаемым в публикациях, и к качеству работ, но нельзя отрицать того, что «белые пятна» в истории отношений советского государства и Церкви активно заполняются. Тем не менее, судьбы верующих и тяжесть последствий антирелигиозной борьбы, обрушившейся на них, зачастую проходят в работах лишь своего рода фоном, что не способствует ясности понимания крайне болезненных и противоречивых событий прошлого.

В условиях национализации храмов и храмовых земель все хозяйственные и экономические трудности, которые клир традиционно решал самостоятельно, были перенесены на религиозные объединения, состоявшие из числа простых верующих, преимущественно крестьян, рабочих и служащих. Установки партийно-государственных верхов на активную борьбу с религией нередко побуждали местный партийный и общественный актив прибегать к радикальным мерам в закрытии молитвенных зданий. Важным взаимообусловленным действиями партийно-государственного аппарата явлением была реакция деревни на ломку привычного уклада жизни, духовных традиций.

Особенно остро актуальность темы ощущается сейчас, в условиях возрождения разрушенных святынь, восстановления духовных ценностей, появления, своего рода, моды и здоровой традиции воцерковленности. Общественное мнение единодушно в осуждении разрушающих мер и последствий антирелигиозной политики советского государства, но расходится в оценках силы, с которой население противостояло этой политике. Назрела необходимость научного решения проблемы народного (крестьянского) сопротивления антицерковной политике в деревне, в исследовании ее в рамках отдельных регионов и всей страны.

Темы, разработанные в научных монографиях, статьях и диссертационных исследованиях, охватывают практически весь спектр государственно-конфессиональных взаимоотношений. Но рефлексии в отношении сути и форм протеста верующих в научной литературе, к сожалению, крайне мало, а существующие оценки нередко кардинально противоположны.

**Объектом диссертационного исследования** выступают взаимоотношения центральной и местной партийной и государственной власти, общественных организаций и верующего сельского населения.

**Предмет исследования** – формы крестьянского сопротивления антирелигиозной политике государства в конце 1920-х – начале 1930-х годов на примере отдельного региона страны – Западной области.

**Цель исследования** – на основе комплексного изучения архивных материалов показать масштабы и формы сопротивления верующих государственной антирелигиозной политике на рубеже 1920-1930-х годов, как феномена, одновременно обособленного и тесно взаимоувязанного с сопротивлением крестьянства практике коллективизации и раскулачивания.

В исследовании поставлены следующие **задачи**:

– выявить и охарактеризовать наиболее полную нормативно-правовую базу государственной антирелигиозной политики рубежа 1920-1930 годов (на центральном и местном уровнях);

– показать практику реализации антирелигиозной политики государства на местах, определив меры, применяемые центральной и региональной властью по ее воплощению и подавлению вероисповедной активности населения;

– соотнести исследовательские подходы и позиции, описательные практики, трактовки характера сопротивления верующих государственной антирелигиозной политике и его формам в исторической литературе последних десятилетий;

– проанализировать активные и пассивные формы сопротивления верующих антирелигиозной кампании;

– систематизировать массовые архивные источники о некоторых видах протеста и представить их в форме интерактивной электронной базы данных.

**Хронологические** рамки исследования объясняются активизацией в начале 1929 г. курса на усиление антирелигиозной пропаганды, подготовкой и публикацией 8 апреля 1929 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» и созданием Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР, а также последовавшим за этим усиленным антицерковным нажимом на деревню, вызвавшим протестные выступления крестьянства, наиболее активно проявившиеся в 1929-1931 годах. Начавшаяся в это время новая форма протеста – письменные жалобы граждан (в данной ситуации, религиозных общин) в органы советской власти – получила свое активное продолжение и в 1932-1933 годах, поэтому жалобы рассматриваются в исследовании по 1933 г. включительно.

**Территориальные** рамки исследования охватывают бывшую Западную область, образованную в ходе административно-территориальной

реформы в 1929 г. из соседних Смоленской, Брянской, значительной части Калужской губернии, Ржевского и Осташковского уездов Тверской губернии и Великолукского округа Ленинградской области с административным центром в г. Смоленске, и просуществовавшей в таком виде до очередной административно-территориальной реформы 1937 г.

**Методологическую основу** составляют, как общенаучные принципы исследования: *объективность, всесторонность, историзм, научность, системность*, – так и конкретно исторические. Метод *социального детерминизма* дает возможность определить движущие силы антирелигиозной политики, *проблемно-хронологический метод* позволяет изучить антирелигиозную политику и сопротивление ей верующих в их последовательном развитии, *историко-сравнительный метод* – соотнести размах, формы и виды сопротивления верующих, *локально-исторический метод* позволил рассмотреть антирелигиозную политику на местном уровне и в восприятии её населением. Также, при разработке и анализе базы данных, фиксирующей и классифицирующей факты сопротивления верующих антирелигиозной политике в Западной области, применен *количественный (математический) метод* исторического исследования.

**Научная новизна.** В отечественной историографии периода коллективизации в СССР подобных проблемных исследований, посвященных феномену протеста верующих антирелигиозной политике в конце 1920-х – начале 1930-х годов ранее не проводилось. В исследовании впервые предпринята попытка показать крестьянское сопротивление антирелигиозной политике рубежа десятилетий как явление одновременно обособленное и тесно увязанное с крестьянской борьбой против коллективизации и раскулачивания. Созданная электронная база данных по жалобам религиозных общин может рассматриваться как новый самостоятельный исторический источник.

**Источники,** лежащие в основе данного диссертационного исследования, можно разделить на четыре группы: 1) *нормативно-правовые акты (опубликованные и неопубликованные); 2) делопроизводственные материалы (опубликованные и неопубликованные); 3) документы личного происхождения (письма верующих); 4) периодическая печать (центральная и провинциальная).*

Неопубликованные *нормативно-правовые акты* высших органов власти и центральных ведомств в сфере реализации религиозной политики изучены в ряде фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, г. Москва). В фонде «Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК» (ф. 5263 ГАРФ) выявлены также протоколы заседаний комиссии с обсуждением, в числе прочего, вопросов функционирования конкретных молитвенных зданий Западной области. Пополнить информацию о нормотворческой деятельности ведомств

позволило изучение «Бюллетеня НКВД РСФСР», «Бюллетеня НКФ РСФСР». В РГАСПИ немалый интерес представлял фонд «ЦК КПСС» (ф.17), а именно протоколы и политсводки о кулацких выступлениях в деревне.

Опубликованные нормативно-правовые акты представлены немногочисленными сборниками документов, посвященными законодательству о культах, анализу и презентации его правовой и социальной сущности. В советский период публикация источников по религиозной политике СССР была возможна только с ярко выраженным пропагандистским контекстом. Следует обратить внимание на две работы сугубо документального характера. В сборнике юрисконсульта Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР Н.М. Орлеанского «Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР»<sup>1</sup> постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. впервые характеризуется как основной закон в религиозной политике государства. Автор приводит оригинальные тексты большинства статей постановления, иллюстрируя их собственными комментариями и случаями из практики. Также, в книге приведены статьи Уголовного кодекса в редакции 1926 г., затрагивающие деятельность религиозных общин и служителей культа, тексты важных, по мнению автора, нормативных актов ведомств по состоянию на 1930 г.

В «Хронологическом собрании законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР»<sup>2</sup>, опубликованном в 1949 г., содержится полный текст постановления «О религиозных объединениях» в редакции 1932 г., с некоторыми формальными изменениями первоначального текста без внесения существенных поправок в его изначальное содержание.

С 2000 г. нишу публикации *делопроизводственных материалов* по истории репрессивной политики СССР, в том числе и вероисповедной, заполнили несколько серий фундаментальных сборников документов центральных российских архивов. Уникальные по своей научной значимости сборники «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы»<sup>3</sup>, «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы»<sup>4</sup>, «Лубянка. Сталин и

---

<sup>1</sup> Орлеанский Н.М. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М., 1930. (Gregg international publishers limited, 1971).

<sup>2</sup> Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. Т. 2. 1928-1929 гг. М., 1949.

<sup>3</sup> Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 (под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы). М., 2000.

<sup>4</sup> Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т.2. 1923-1929. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. 1930-1934. Кн. 1. 1930-1931 гг. М., 2003.

ВЧК-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922-декабрь 1936»<sup>5</sup> и ««Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.)»<sup>6</sup> ввели в оборот богатый массив новых, ранее не опубликованных документов, позволяющих исследователям осмыслить многообразие политических и социально-экономических преобразований 1920-1930-х годов. В определенной степени эти документы раскрывают тонкости антирелигиозной политики государства и иллюстрируют формы ответа на нее деревни.

Основу диссертационного исследования составили документы архивов Смоленской области – Государственного архива Смоленской области (ГАСО, г. Смоленск) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО, г. Смоленск), в силу того, что большая часть документов отложилась именно в этих двух архивах, так как Смоленск был административным центром Западной области. Также, в Центре новейшей истории Брянской области (ЦНИБО, г. Брянск) были изучены два фонда окружных комитетов ВКП(б), перешедших после расформирования Западной области в ведение брянских архивов – фонд 12 «Брянский окружной комитет ВКП(б)» и фонд 13 «Клинцовский окружной комитет ВКП(б) Западной области».

В ГАНИСО были исследованы дела высших партийных органов области: фонд 3 «Смоленский губернский комитет ВКП(б)» (до лета 1929 года, т.е. времени образования Западной области) и фонд 5 «Западный областной комитет ВКП(б)», в которых отложились протоколы и стенограммы заседаний (в том числе, закрытых) Западного обкома ВКП(б), отчеты, докладные записки, секретная корреспонденция и т.д., а также окружного партийного руководства: фонд 126 «Вяземский окружной комитет ВКП(б)», фонд 144 «Смоленский и Ярцевский окружкомы ВКП(б)», фонд 174 «Рославльский окружком ВКП(б)», фонд 37 «Вяземский райком ВКП(б)». Важными для настоящего исследования в них оказались информационные сводки и докладные записки уполномоченных обкома и окружкомов ВКП(б) с донесениями о случаях активного и пассивного сопротивления закрытию храмов в районах области.

В ГАСО изучены материалы деятельности высших исполнительных органов области: фонд 13 «Смоленский губернский исполком» и фонд 2360 «Западный облисполком», где отложились протоколы и постановления президиума Запоблисполкома и Комиссии по вопросам культов при президиуме Запоблисполкома, переписка с центральными органами, а также с райисполкомами и сельсоветами, с религиозными обществами, дела Комиссии по вопросам культов за 1929-1933 гг. (всего 253 дела). Помимо делопроизводственной документации, связанной с ликвидацией и

---

<sup>5</sup> Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922-декабрь 1936. М., 2003.

<sup>6</sup> «Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 7: 1929 г. М, 2004; «Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину. Т. 8: 1930 г. Ч. 1. М., 2008; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину. Т. 8: 1930. Ч. 2. М., 2008.

переоборудованием храмов, в делах Комиссии содержатся *источники личного происхождения*, а именно письма-жалобы религиозных общин. Фонд Запоблисполкома ГАСО уникален для изучения Западной области тем, что он не дробился между архивами образованных областей из территорий расформированной Западной области и целиком сохранился в г. Смоленске.

Также исследованы документы фонда 2683 «Западная областная прокуратура», который содержит обвинительные заключения, информационные сводки районных и окружных прокуроров, бюллетени прокуратуры на предмет выявления случаев активного и пассивного сопротивления антирелигиозной политике на селе. В фонде 2361 «Смоленский областной исполнительный комитет» сохранилась «Книга учета церквей за 1938 год» (Оп.1. Д.67.) с датами закрытия или сноса зданий, ссылками на соответствующие постановления органов советской власти, отметкой о дальнейшем использовании зданий религиозного культа с 1917 по 1938 гг. на территории Западной области.

*Периодическая печать* рубежа 1920-1930-х гг. с целью изучения информационного фона антирелигиозной политики представлена следующими изданиями: центральные газеты – «Известия», «Крестьянская газета», «Труд», газеты и журналы «Антирелигиозник», «Безбожник», органы местной печати – «Рабочий путь», «Партиец», «Западная область».

**Степень изученности темы.** Специальной историографии крестьянского сопротивления антирелигиозной политике в исследуемый период пока нет, поэтому всю историографию, затрагивающую проблематику антирелигиозной политики в деревне эпохи «большого скачка» и коллективизации, условно можно поделить на работы, *изучающие непосредственно взаимоотношения государства и церкви в 1920-1930-е годы*, и работы *по истории коллективизации и раскулачивания*, т.к. эти процессы – антирелигиозная политика государства на рубеже 1920-1930-х годов, коллективизация и раскулачивание – проходили в деревне одновременно, и потому неразрывно связаны между собой. Наибольший интерес для нас представляет постсоветская историография, поскольку лишь с рассекречиванием архивов стали появляться научные исследования вероисповедной политики СССР, основанные на фактическом материале, почерпнутом из источников. Тем более, что в советское время церковная тематика не была приоритетной в отечественных исторических работах.

Первые фундаментальные научные работы *по истории отношений государства и церкви в СССР* принадлежат религиоведам, ставшим уже классиками в этом направлении, – В.А. Алексееву, М.Ю. Крапивину, А.Н. Кашеварову, М.И. Одинцову.

М.Ю. Крапивин в одном из своих трудов самим фактом наименования глав книги делит довоенную церковную историю в СССР на следующие периоды: «1) Церковь и большевистская революция: по разные стороны



баррикад (1917-й – начало 1921 г.); 2) «Религиозный нэп» начала 1920-х гг.: что это было (1921-1927 гг.); 3) Воинствующее безбожие и большой антирелигиозный террор (1928-й – конец 1930-х гг.)»<sup>7</sup>. Неизбежную связь коллективизации, раскулачивания и антирелигиозной кампании М.Ю. Крапивин обосновывает так: «Раскулачивание, зачастую сопровождавшееся уничтожением всех крепких крестьянских хозяйств, вело к фактической гибели Церкви на селе, ибо кто кроме зажиточных крестьян мог материально помочь священнику, вынужденному уплачивать государственные налоги, явно превышавшие его реальные доходы»<sup>8</sup>. Монографии и статьи М.Ю. Крапивина по истории сектантского движения в СССР<sup>9</sup>, подкрепленные документальным, понятийным и статистическим аппаратом и сопровождающиеся справками о происхождении и дореволюционном развитии сектантских течений явились хорошей информационно-методологической базой для настоящего диссертационного исследования, в поле зрения которого находятся все религиозные конфессии и течения, существовавшие в Западной области на рубеже 1920-1930-х годов.

В.А. Алексеев в начале 1990-х годов по сути положил начало новому подходу в изучении религиозной политики в СССР, основанному на фактах, подтверждаемых статистическими данными. В монографии «Иллюзии и догмы»<sup>10</sup> с разной глубиной по эпохам показаны основные вехи политического контекста религиозной жизни страны. Среди прочего уделено внимание оппозиции антирелигиозной политике в лице высшего партийного руководства (Бухарин, Рыков, Луначарский и т.д.). Через год, в монографии «“Штурм небес” отменяется?» В.А. Алексеев более подробно останавливается на основных вехах религиозной истории советской эпохи (от Октября до Брежнева), роли прессы и массовых организаций (в первую очередь СВБ) в антирелигиозных кампаниях, анализирует церковные расколы, и отмечает: «“Время великого перелома” не случайно приходится на 1929-30 годы и совпадает с началом новой войны с церковью. В этот период оказались связанными в тугий узел множество противоречий и проблем, накопившихся в обществе, начиная от “забуксовавшей” экономики по причине волевого притягивания ее к моноукладности, насаждения командных методов руководства сельским хозяйством и промышленностью, и кончая появившимися «нарывами» в области духовной жизни, которую

<sup>7</sup> Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград, 1997.

<sup>8</sup> Там же. С.201.

<sup>9</sup> Напр.: Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917-конец 1930-х годов). СПб, 2003; Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г. Адвентисты седьмого дня в условиях советской действительности (1917-й – конец 1920-х годов) // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб, 2004. С. 199-206; Крапивин М.Ю., Макаров Ю.Н. Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов) // Исторические записки. Вып. 8 (126). М., 2005. С. 115-151; Крапивин М.Ю. Старообрядцы в период массовых репрессий конца 1920-х – 1930-х годов // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб, 2006. С. 283-289; Крапивин М.Ю., Далгатов А.Г., Макаров Ю.Н. Внутриконтрессиональные конфликты и проблемы межконтрессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). СПб, 2005.

<sup>10</sup> Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991.

власти тоже хотели унифицировать, подогнать под ранжир. В этот ранжир не укладывался не только религиозный плюрализм, когда в стране существовало несколько десятков церквей и религиозных течений, объединявших более 120 миллионов верующих, но и вообще не вписывалась сама религия в некую систему духовных ценностей, насаждаемых партийно-государственной властью»<sup>11</sup>.

Продуктивные векторы задали будущим религиоведческим исследованиям работы А.Н. Кашеварова и М.И. Одинцова, выполненные на материалах центральных архивов, прессы, советской и постсоветской литературы, исследованиях эмиграции<sup>12</sup>. Впервые подробному анализу в них подверглась работа центральных органов, ведавших религиозной политикой, и законодательная база антирелигиозных кампаний.

Протоиерей В.А. Цыпин в обобщающем труде «Русская православная церковь: 1925-1938» описал деятельность знаковых личностей вероисповедной политики, проанализировал основные законодательные и нормативные акты в области религии, немалое внимание уделил обновленческому расколу и восприятию верующими и властью «крестового похода» Папы Римского<sup>13</sup>. Издание активно цитируется историками-религиоведами и по сей день, что подтверждает его научную значимость.

Протоиерей Д.В. Константинов, активный участник многих событий, связанных с антирелигиозной политикой 1920-1930-х годов, пробыв одно время (до эмиграции) главой обновленчества в сане обновленческого митрополита, изложил своё видение церковной истории той эпохи. Книга «Гонимая Церковь: русская Православная Церковь в СССР» была выпущена впервые на русском языке в Нью-Йорке в 1967 г. и стала самой популярной в эмиграции, издавалась также в Германии, Англии, в 1999 г. в России. Работа посвящена не только довоенной, но и послевоенной церковной истории СССР, хрущевским гонениям на церковь, и даёт взвешенные оценки, в том числе, и своим статистическим материалом. Ещё ранее им издана в Мюнхене небольшая книга о роли молодежи в борьбе за церковь, в которой автор систематизировал собранный материал о деятельности молодежи в религиозных организациях<sup>14</sup>.

На рубеже 1990-2000-х годов интерес к данной тематике заметно возрос, увеличилось количество исследований по истории церкви в СССР. И.Я. Шимон в своей работе «Плюс атеизация всей страны...» всю антирелигиозную пропаганду и агитацию государственных и общественных

<sup>11</sup> Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? (Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР). М., 1992. С. 71-72.

<sup>12</sup> Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в Советском обществе 20-30-х гг. СПб, 1997; Кашеваров А.Н. Государство и церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и РПЦ. 1917-1945 гг. СПб, 1995; Кашеваров А.Н. Религиозная политика Советского государства в «год великого перелома» // Из истории России: Сб. ст. Вып. 1. СПб, 2003. С. 139-150; Одинцов М.И. Государство и церковь в России: XX век. М., 1994.

<sup>13</sup> Цыпин В.А. (протоиерей). Русская православная церковь: 1925-1938. М., 1999.

<sup>14</sup> Константинов Д.В. (протоиерей). Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР. Мюнхен, 1956.

организаций облёк в единую понятийную оболочку, выделив направления работы, формы и её виды, привёл некоторую статистику по количеству закрытых в разные годы молитвенных зданий и ликвидированных религиозных общин<sup>15</sup>. С.Л. Фирсов свой очерк о довоенной истории государства и церкви резюмировал историографическим обзором по данной теме, сконцентрировав внимание на трудах сотрудников Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), публикации ими житий новомучеников и исповедников<sup>16</sup>.

Востребованность изучения местной специфики государственной политики побуждает проведение всё новых исследований в регионах, как по коллективизации, так и в области церковной политики, что позволяет проследить преломление центральной политики на местах, выявить местную практику. К таким работам следует отнести труды Ю.Н. Макарова, Н.Ю. Беликовой (Краснодар) по истории церкви на юге России с конца XIX века до 1930-х годов, Ю.А. Бирюковой (Ростов-на-Дону) по взаимоотношениям православных общин верующих и власти на Дону (Шахтинский округ) в 1920-1930-е годы, Р.А. Давлетшина (Уфа) о социально-экономических изменениях башкирской деревни на рубеже 1920-1930-х годов, Д.Л. Доржиева и И.С. Цыремпиловой (Улан-Удэ) о государственной политике в довоенной Бурятии и формах ответа на неё крестьянства, М.Ю. Хрусталёва (Череповец) с довоенной историей Новгородской епархии, Л.Н. Лютова (Ульяновск) о совместном сопротивлении раскулачиванию крестьян и служителей культа в Ульяновском округе Средневолжской области и т.д.

В рассматриваемый период невозможно не отметить труды ряда академических учёных по проблемам как государственно-конфессиональной, так и социально-экономической политики 1920-1930-х годов. Трудно переоценить вклад Н.А. Ивницкого в изучение репрессивной политики при проведении коллективизации и раскулачивания на основе ранее засекреченных документов Кремлёвского архива Политбюро<sup>17</sup>, И.Е. Зеленина в изучении сталинской политики 1930-х годов<sup>18</sup>, О.М. Вербицкой в исследовании социальной и демографической истории российского крестьянства<sup>19</sup>. Коллективная монография В.Б. Жиромской, И.Н. Киселева и Ю.А. Полякова о переписи населения 1937 г. и демографических процессах, произошедших со времени переписи 1926 г., с полными статистическими данными, в том числе анализом ответов на вопросы о вере, наглядно

---

<sup>15</sup> Шимон И.Я. ...Плюс атеизация всей страны (Государственно-церковные отношения в 1920-1930-е годы). Дубна, 2002.

<sup>16</sup> Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории. М., 2014.

<sup>17</sup> Напр.: Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). Москва, 2000.

<sup>18</sup> Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.

<sup>19</sup> Напр.: Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; Вербицкая О.М. Крестьянская семья в 20-50-е годы // Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. Сб. научных трудов. М., 1994. С. 115-131.

показывает, что грамотное и неграмотное население всех возрастных групп оставалось верующим даже к концу 1930-х годов<sup>20</sup>. Недавно опубликованная монография И.А. Курляндского «Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.)»<sup>21</sup> подробно раскрывает деятельность партийных органов в планировании и осуществлении религиозной политики. Некоторые архивные источники, в том числе, протоколы заседаний центральных комиссий, публикуются автором впервые.

Западная историография, проявляя интерес к сталинской коллективизации, дала в результате немало фундаментальных трудов, отличающихся склонностью к глубокому осмыслению исторических процессов 1920-1930-х годов. Во многом западная советология обязана «Смоленскому архиву»<sup>22</sup>, который почти полвека был в распоряжении иностранных учёных, но не обладал исчерпывающей полнотой для характеристики реалий советской жизни. После перестройки, когда западные специалисты получили возможность самостоятельно работать в российских архивах, стали появляться работы, насыщенные фактологическим материалом и аналитикой на его основе. Неоценимый труд в деле публикации таких исследований принадлежит издательству РОССПЭН, и его серии «История сталинизма», вместившей в себя все знаковые работы отечественных и западных специалистов.

Французский историк Франсуа-Ксавье Нерар несколько лет изучал в федеральных и Нижегородских архивах «письма во власть» и сопутствующую им документацию, проанализировал эти источники, вывел соответствующую статистику, что позволило ему описать феномен доносительства и разоблачения как особую составляющую советской действительности, остающуюся слабоизученной. Нерар работал со всем массивом жалоб и писем, не выделяя отдельных тематик, а также изучил всю систему государственных и общественных организаций, куда эти письма поступали на рассмотрение, обозначил проблемы, с которыми сталкивались эти организации при разработке жалоб. Автор предложил свою периодизацию и терминологию доноса, в том числе, и периодизацию терминов. Так, он отмечает, что с 1928 г. до середины 1930-х практика доносительства устоялась в обществе; «ядром обработки стала «Крестьянская газета» и Секретариат ВЦИК»<sup>23</sup>, а полный расцвет системы жалоб он отнес ко второй половине 1930-х годов<sup>24</sup>.

---

<sup>20</sup> Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 99-102.

<sup>21</sup> Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.). М., 2011.

<sup>22</sup> Кодин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск, 1998.

<sup>23</sup> Нерар Франсуа-Ксавье. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928-1941). М., 2011. С. 169.

<sup>24</sup> Там же. С. 171.

Анализом жалоб, как отдельного исторического источника, на примере Бельского района Западной области немногим ранее занималась американская исследовательница Роберта Маннинг. Из дел того же «Смоленского архива» ею было отобрано 89 писем-жалоб из Бельского района за 1937 г. Проанализировав их, результаты своего труда Маннинг опубликовала в небольшом, но значимом для изучения сталинской провинции, сборнике статей<sup>25</sup>. Следует отметить, что очень ценен методологический аппарат, к которому прибегла Роберта Маннинг при систематизации писем-жалоб: изучение жалобщиков и адресатов писем, общих тем жалоб, тона письма, подписей и др.

Шейла Фицпатрик (США, Австралия) и Андреа Грациози (Италия) в своих трудах обратили внимание на социальную составляющую коллективизации и раскулачивания, в которой антирелигиозной политике отведена роль дополнительного компонента. Отсюда следуют и значимые выводы авторов. Так, Грациози о роли протеста деревни антирелигиозной политике говорит, как о части сопротивления коллективизации и раскулачиванию, выделяя при этом вопрос закрытия церквей, как один из основных<sup>26</sup>.

Культуру крестьянского сопротивления коллективизации, как самостоятельный феномен, исследовала канадский историк Линн Виола, работа которой и по сей день остается определяющей подходы в этой области<sup>27</sup>. Для нашего исследования здесь важен понятийный аппарат, с которым автор подошла к изучению сопротивления крестьянства коллективизации и раскулачиванию, что позволяет лучше понять внутреннюю подоплеку, место и роль сопротивления в религиозной сфере.

Изучением истории Смоленской области в советский период занимается научная школа под руководством профессора Е.В. Кодина. Для оценки состояния Смоленщины и Западной области на рубеже 1920-1930-х годов историографическую важность представляют диссертационные работы О.В. Кобец<sup>28</sup> о крестьянском сопротивлении коллективизации в смоленской деревне и Р.В. Шамшина<sup>29</sup> о ликвидации кулачества как класса на территории Западной области. Работы М.В. Каиля посвящены различным аспектам государственно-церковных отношений, социальной истории православия в провинции конца XIX – первой трети XX в.<sup>30</sup>

---

<sup>25</sup> Маннинг Т. Роберта. Бельский район, 1937 год. Смоленск, 1998. С. 41.

<sup>26</sup> Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М., 2008. С. 51; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.

<sup>27</sup> Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

<sup>28</sup> Кобец О.В. Сопротивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928-1933 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006.

<sup>29</sup> Шамшин Р.В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929-1931 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010.

<sup>30</sup> Напр.: Каиль М.В. Власть и православные верующие в российской провинции 1918 – первой половины 1930-х гг.: контуры взаимоотношений // Клио. 2010. № 4 (51). С. 58-64; Каиль М.В. История

Изучению церковной политики СССР и её воплощению в провинции посвящена работа протоиерея Г. Урбановича «Церковь и советская власть в Смоленске в 20-е годы XX века»<sup>31</sup>. Выполненная на материалах местных архивов как диссертационное исследование ещё в конце 1990-х годов, о процессах, постигших Смоленскую губернию, её клир и верующих с начала XX века и до конца 1920-х годов, в виде монографии работа была опубликована только в 2012 г.

Свидетельством внимания исследователей к тематике взаимоотношений государства и церкви на рубеже 1920-1930-х годов служит рост диссертационных исследований, большей частью выполненных на региональном материале (Дальний Восток, Карелия, Урал и Зауралье, Юго-Восточная и Западная Сибирь, Алтай, Пенза, Татарстан, Северный Кавказ, Центральная Россия), что значительно расширяет и углубляет общее знание о событиях в жизни церкви и верующих этого периода. Хронологический разброс работ различен, но, большей частью, они посвящены довоенному периоду, изучению, как общей ситуации в религиозном вопросе (в стране или на уровне отдельного региона)<sup>32</sup>, так и законодательства о религии<sup>33</sup>, деятельности руководящих органов<sup>34</sup>, церковного подполья<sup>35</sup>, положению православной церкви<sup>36</sup> и отдельных течений и конфессий<sup>37</sup> и т.д.

---

обновленческого раскола в Смоленской епархии 1920-х гг. в архивных документах и периодике // Отечественные архивы. 2010. №4. С. 57-65; Каиль М.В. Антирелигиозная агитация и пропаганда 1920-х годов: провинциальная практика, формы, динамика (на примере Смоленской губернии) // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 1 (9). С. 205-218; Каиль М.В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918-1920-х гг. // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 59-67 и т.д.

<sup>31</sup> Урбанович Г. (протоиерей). Церковь и советская власть в Смоленске в 20-е годы XX века (по материалам смоленских архивов). Смоленск, 2012.

<sup>32</sup> Напр.: Бакшеева Е.Б. Политика Советского государства по отношению к Русской Православной церкви на Дальнем Востоке России: Октябрь 1922-июнь 1941 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2004; Борисова В.В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг.: на материалах Зауралья: дисс. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2012; Гайлит О.А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской Православной церкви в конце 1920-х-1930-е гг.: На материалах Западной Сибири: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; Карманова Г.Н. Государственная политика в отношении христианских конфессий в СССР в 1929 – первой половине 1931 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2009; Маленков В.В. Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России: 1917-1937 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2004 и др.

<sup>33</sup> Напр.: Богомолов А.А. Законодательство о Православной церкви в России: Основные исторические тенденции развития: дисс. ... канд. юр. наук. СПб, 2004; Пушанский В.В. Правовое регулирование функционирования Русской Православной Церкви в России в XX веке: историко-правовой аспект: дисс. ... канд. юр. наук. Санкт-Петербург, 2006 и др.

<sup>34</sup> Кочетова А.С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК: 1929-1934 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2012.

<sup>35</sup> Беглов А.Л. Церковное подполье 1920-1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2004.

<sup>36</sup> Напр.: Елисеев А.Л. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 20-30-е годы: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1997; Каплин П.В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927-1938 гг.: На материалах Урала: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006; Малюкова Э.Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918-1937 гг.: на примере Пензенского края: дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2010; Мезенцев Р.В. Православная Церковь на Алтае в 1917-1940 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2003; Петюкова О.Н. Русская православная церковь в российской деревне в 1920-е годы (по материалам губерний Центральной России): дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1997 и др.

Тем не менее, при множестве исследований по истории Церкви и крестьянства рубежа 1920-1930-х годов проблема крестьянского сопротивления антирелигиозной политике описана касательно в работах историков и до сих пор не заслуживала отдельного внимания.

**Теоретическая значимость.** В настоящей работе впервые сопротивление верующего населения антирелигиозной политике государства на рубеже 1920-1930-х годов изучено как самостоятельное явление, и обосновано в исследовании как факт. Также, совершен переход от разрозненного описания отдельных эпизодов сопротивления верующих, распространенного в историографии по проблематике, к систематизации и количественной характеристике поддающихся подсчёту видов протеста в рамках одного региона.

**Практическая значимость.** Полученные результаты помогут привлечь внимание исследователей к проблеме, разработать и применить новые подходы и понятийный аппарат к изучению крестьянского сопротивления антирелигиозной политике в масштабах всей страны, а не только одной Западной области. Созданная база данных по крестьянскому сопротивлению верующих в Западной области в 1929-1933 годах может использоваться в проведении смежных исторических исследований, ускорить поиск выявленных архивных источников, а также готова к наполнению новым архивным материалом, может быть размещена в сети Интернет как банк исторических данных. В её рамках можно получить сведения по истории религиозных общин Западной области, утраченных и сохранившихся храмов (но, лишь в хронологических рамках исследования) и истории религиозного протеста отдельных сёл и городов.

#### **Основные положения, выносимые на защиту:**

Законодательство в области вероисповедной политики на рубеже 1920-1930-х годов преследовало две цели – внешнее сохранение свободы совести населения и усиление антирелигиозного курса. Даже на уровне центральном власти налицо были противоречия в отношении религиозных организаций и при определении места религии в советском обществе. Провинциальные руководители понимали, что, в конечном итоге, толерантный подход в антирелигиозном курсе менее приветствовался, нежели административный.

Ликвидация церквей в полном соответствии с процедурой, предусмотренной законом, требовала колоссальных затрат энергии и времени, что порождало неизбежные нарушения, административный подход и перегибы.

---

<sup>37</sup> Напр.: Далгатов А.Г. Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям: Октябрь 1917-го-конец 1930-х годов: дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2004; Куприянова И.В. Старообрядческие общины Алтая в отношениях с государством: Начало 1920-х - конец 1930-х гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917-1938): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997; Миннулин И.Р. Политика советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920-1930-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2003 и др.

Религиозные объединения после регистрации получали в арендное пользование храм и автоматически подпадали под существенное налоговое давление, которое ещё митрополит Сергей именовал «налогом на веру».

Крестьянское сопротивление коллективизации и раскулачиванию и сопротивление антирелигиозной политике представляли собой два самостоятельных течения протеста преобразованиям деревни в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

Крестьянское сопротивление антирелигиозной политике рубежа 1920-1930-х годов проявлялось в активных и пассивных формах, внутри которых протест делился на определенные разновидности.

Свидетельств активного сопротивления верующих антирелигиозной политике на территории Западной области мало. Это в значительной степени объясняется тем, что к области всегда было пристальное внимание в силу ее пограничного положения с целью выявления шпионов, контрреволюционеров, и их попыток свержения советской власти.

Единого организованного движения сопротивления антирелигиозной политике в том виде, в котором его представляли спецорганы, как контрреволюцию, войну против государства, в регионе не было. Но в большинстве случаев верующее население не могло спокойно воспринимать откровенное богохульство и надругательства, происходившие в отношении храмов и священнослужителей.

**Апробация результатов работы.** При подготовке диссертации подготовлено несколько докладов на международных и всероссийских конференциях и школах молодых учёных (г. Смоленск, Нижний Новгород, Тобольск, Москва), успешно выполнено два проекта РГНФ. Основные положения работы нашли отражение в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК.

**Структура диссертации** соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

## **II. Основное содержание работы**

Во **введении** характеризуется актуальность темы исследования, определяются его объект и предмет, цели и задачи, территориальные и хронологические рамки, теоретическая и практическая значимость, новизна, проанализированы источники и степень изученности темы, указаны методологические основы исследования.

**В первой главе** – «Государственная антирелигиозная кампания конца 1920-х – начала 1930-х годов: официальная политика и региональная практика» рассматривается формирование вероисповедной



политики центральной и местной власти на основе нормативно-правовых актов и её практическое воплощение в провинции.

В параграфе 1.1 *«Нормативно-правовая база и партийно-идеологическое сопровождение кампании»* показан процесс обновления религиозного законодательства в конце 1920-х – начале 1930-х годов на центральном и местном уровнях. Со второй половины 1927 г. центральная власть окончательно определилась в своем негативном отношении к нэпу, взяв курс на коллективизацию. XV съезд ВКП(б) положил, в числе всего прочего, и начало сворачиванию «религиозного нэпа». Строилась эта работа на основе обновленной нормативно-правовой базы.

До 1929 г. главными законами в области религии были декрет СНК от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и Конституция РСФСР 1918 года (ст. 13). В апреле 1929 г. было опубликовано постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», ставшее основным законом вероисповедной политики. Постановление регулировало два основных аспекта религиозной жизни: деятельность религиозных объединений и функционирование молитвенных зданий. Положения постановления «О религиозных объединениях» уточнялись рядом инструкций и циркуляров. Дополнительно, 18 мая 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов изменил формулировку статьи четвертой Конституции РСФСР 1925 г., в которой теперь вместо существовавшего ранее равенства религиозной и антирелигиозной пропаганды последняя попадала под полный запрет.

В Западной области религиозная политика в дополнение к нормативно-правовым актам центральных органов и ведомств регулировалась постановлением Запобкома ВКП(б) от 26 июля 1929 г. «О состоянии религиозных организаций в Западной области и борьбе с ними», в котором ставилась задача немедленного противопоставления православному и сектантскому влиянию активной антирелигиозной пропаганды. Причем, вестись эта работа должна была именно в форме борьбы, основная роль в которой отводилась Союзу воинствующих безбожников.

В дополнение к детально проработанной к началу 1930 г. «специальной» нормативной базе для антирелигиозной работы стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором, наряду с кулаком, провозглашалась по сути бескомпромиссная борьба с церковью. К весне 1930 г. давление на церковь стало настолько сильным, что возмущение верующих начало выливаться в массовые протесты, дополнявшие антиколхозные выступления. Власть отреагировала постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 марта того же года «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором руководство страны «списывало» массовое закрытие церквей на ошибки «ликвидаторов» и тем самым как бы шло на некоторые уступки верующим.

Ряд последующих нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод о том, что власти к началу 1931 года вернулись на позиции, озвученные ещё в постановлении «О религиозных объединениях» 1929 года. Но основная задача антирелигиозного нормотворчества была выполнена – не важно, какими способами, но молитвенные здания закрывались.

В параграфе 1.2 *«Антирелигиозная кампания 1929-1931 годов и её воплощение в провинции»* анализируется практика реализации вероисповедной политики в сельской местности. Все законодательные и подзаконные акты официально призывали к лояльности и предостерегали от административного подхода в антирелигиозной работе, хотя и содержали порой откровенные призывы к закрытию храмов, изъятию имущества религиозных обществ и раскулачиванию церковников. Юридические манёвры договорных и финансовых отношений власти и религиозных общин (налоговое давление в виде дополнительных платежей, завышения в разы страховых платежей, формальное невыполнение условий договора, отказ в регистрации религиозного объединения), раскулачивание священника или доведение его до отказа от сана, ветхость молитвенного здания под снос и т.п. – это далеко неполный список наиболее часто использовавшихся в конце 1920-х годов административных мер борьбы с религией.

В начале 1930 г. в Западной области по официальной статистике числилась 1631 церковь и 2051 священнослужитель. Отдельно выделялся «фронт» борьбы с сектантством. Государственные органы не отличали сектантов и евангелистов, и причисляли к сектам все религиозные течения, не относящиеся к основным конфессиям. По сообщениям из районов и официальной статистике Западной области, видно, что сектантское влияние на население было действительно значительным.

Реализация религиозной политики на селе включала в себя следующие компоненты: закрытие храмов на культурно-общественные нужды (иногда без всякой мотивации, административным путём), изъятие из храмов колоколов и иных изделий и предметов из цветного и черного металла (купольный металл, ограды, чугунные полы и т.д.), изъятие у верующих икон и иных личных предметов религиозного культа, раскулачивание священников, идеологическое воздействие на верующее население и т.п.

Церкви, земля под ними, внутреннее убранство и предметы культа являлись государственной собственностью, но переходили в пользование общинам верующих на правах аренды. Договор аренды подразумевал налоговые выплаты и иные расходы на содержание имущества со стороны верующих. Поэтому необоснованные изъятия молитвенных зданий или предметов культа являлись нарушением договорных обязательств между органами местной власти и религиозными объединениями, вызывая закономерные возмущения верующих.

Нельзя утверждать, что население полностью отвергало идею антирелигиозной кампании – передачи молитвенных зданий под культурно-общественные нужды. Эта идея получала поддержку в массах, особенно, если ставился вопрос о переоборудовании церквей в объекты социального назначения – школы, больницы, музеи. Но, часто наблюдая вместо этого отсутствие переоборудования и разрушение храмов, обезображивание икон и церковной утвари, постоянно сталкиваясь с формальными трудностями нормального функционирования религиозных общин, население отвечало протестом и пыталось защитить свои права.

Во второй главе **«Крестьянское сопротивление антирелигиозной политике государства в конце 1920-х – начале 1930-х годов»** проанализированы основные историографические подходы к крестьянскому сопротивлению антирелигиозной политике, показаны, объединенные в две группы формы протеста верующих государственной антирелигиозной политике (активные и пассивные).

В параграфе 2.1 **«Активные и пассивные формы крестьянского сопротивления антирелигиозной политике рубежа 1920-1930-х годов: историографические подходы»** проведено сопоставление трудов учёных, специализирующихся на изучении религиозной политики в СССР на рубеже 1920-1930-х годов (М.Ю. Крапивин, А.Н. Кашеваров, В.А. Алексеев, Д.Л. Доржиев и др.) или затрагивающих эти вопросы в своих работах (Н.А. Ивницкий, А. Грациози, Л. Виола, Ш. Фицпатрик и др.) в их оценке имевшего место крестьянского сопротивления антирелигиозной политике в начале 1930-х годов. Исследователи не могут прийти к единому мнению в вопросах разнообразия форм сопротивления верующих (делилось ли оно на активное и пассивное, либо активного сопротивления верующих не существовало) и, в принципе, о существовании сопротивления верующих, как такового. При этом названные нами и другие авторы не выделяют сопротивление верующих в самостоятельный предмет исследования. Происходит это по разным причинам. Для начала 1990-х гг. вследствие рассекречивания архивов были характерны масштабные работы, дающие общего плана историю религии и церкви в СССР. Исследования 2000-х гг. имеют уже более узкую тематику – возрастает роль региональной истории, истории личности, подвижничества. Проявляется интерес к сопротивлению верующих, однако в целом историки судят о нём по отрывочным сведениям из архивных источников, потому в разных ситуациях приходят к разным выводам.

В параграфе 2.2 **«Активные формы крестьянского сопротивления государственной антицерковной политике: региональные особенности»** анализируются основные виды проявлений активного протеста верующих, которые можно установить по архивным материалам. Наибольшую тревогу властей вызывали массовые выступления верующих в защиту церковных зданий и священнослужителей. С конца 1928 – начала 1929 гг. ОГПУ

отмечало рост массовых выступлений на религиозной почве и рост числа участников в этих выступлениях. Количество выступлений на религиозной почве, официально зафиксированных на западе страны, возросло за этот период в 4,5 раза. Главной причиной большинства таких массовых выступлений ОГПУ называло закрытие церквей и отвод церковных зданий для общественных нужд, что не совпадало с интересами религиозных объединений. По всей стране за 1930 г. было зафиксировано 13754 массовых выступления, 1487 из них на религиозной почве, что составило 10,8% от общего числа массовых волнений. Среди массовых волнений особо выделялись «бабьи бунты» – женские по своему составу выступления. К 1931 году нажим на «религиозников» ослаб, накал противостояния существенно снизился.

В сводках спецорганов зачастую фигурирует понятие террористического акта как одного из видов активного сопротивления верующих. Типичные виды террористических актов – убийство, ранение, покушение, избиение, поджог, разгром, имущественное вредительство. В рамках вышеперечисленных видов террора складываются два его типа: физический и имущественный, что подтверждается материалами ОГПУ.

Еще один вид активного сопротивления – деятельность контрреволюционных группировок и организаций. В Западной области, в силу ее приграничного положения, спецорганы обращали на это особо пристальное внимание, и в отдельный вид выделяли группировки, связанные с иностранными консульствами и границей. К таким группировкам относили сектантские объединения, которые во всех документах фигурировали, как активно сотрудничавшие с западом, а также католические религиозные объединения и религиозные общины национальных меньшинств (еврейские, латышские, немецкие, польские и т.д.).

Для систематизации и формирования статистики по протестам на базе программного пакета Microsoft Office была создана база данных по крестьянскому сопротивлению антирелигиозной политике в Западной области в 1929-1931 годах. Далеко не по всем видам сопротивления можно вывести достаточную для полновесных выводов статистику. В значительной степени это удалось сделать по массовым выступлениям и терактам в Западной области за первую половину 1930 г. Данные были собраны из докладных записок уполномоченных областным комитетом ВКП(б) и информационных бюллетеней прокуратуры Западной области. Лаконичность сведений о выступлениях отразилась на заполнении полей в электронной базе данных – не всегда было указано приблизительное количество выступавших (чаще обходились обозначением «толпа»), социальный состав и т.п. Как оказалось, количество участников не играло решающей роли в достижении конечной цели волнений – оставление храма или колоколов. Практически половина (42,9%) выступлений по составу были женскими, что дает право говорить о распространении в Западной области «бабьих бунтов».

Всего в электронной базе данных по массовым выступлениям зафиксировано: волнений – 62,9%, терактов – 22,8%, случаев мелкого хулиганства верующих – 14,3%.

В параграфе 2.3 *«Пассивное сопротивление крестьянства государственной антирелигиозной политике»* проанализированы основные виды пассивного протеста верующих. Выявленные на сегодня региональные архивные материалы свидетельствуют, что нет оснований говорить о каких-либо проявлениях «крестьянской войны» на религиозной почве в Западной области. Пассивное сопротивление антирелигиозной политике было также не столь массовым, как в других регионах.

Виды пассивного протеста: распространение слухов, листовок, религиозная агитация, оплакивания и письма во власть. Агитацией считалось любое мнение об антирелигиозной политике и существовании религии, шедшее вразрез с официальным. Наиболее уязвимыми оказались священнослужители, судьба которых зависела от добропорядочности их паствы. Отчеты о политических настроениях населения строились на подслушанных разговорах и слухах. Так, эмоции недовольных обывателей могли обернуться спланированной агитацией. Конечно, не исключено наличие настоящих контрреволюционных организаций, но в обстановке шпиономании велика фальсификация доносов.

Самую массовую группу источников пассивного сопротивления верующих представляют письма во власть, или как их принято называть – жалобы. После занесения и обработки в отдельной таблице созданной ранее базы данных, выявлено, что письма во власть отличались коллективным характером и большим количеством приложенных подписей, что нетипично для жалоб 1930-х годов. Документы свидетельствуют, что чем активнее община писала жалобы, тем больше шансов у нее было привлечь внимание к своей проблеме. Содержание жалоб указывает на то, что общины писали сугубо о своих внутренних проблемах: просьбы открыть храм, потянуть со сроками оплаты налога или снизить суммы платежей, увеличить сроки производства ремонта, разрешить колокольный звон или молебны на дому для больных. И это несмотря на то, что помимо тягот содержания храма каждый из членов общины испытывал иные социальные и экономические трудности.

В целом на фоне активного крестьянского сопротивления коллективизации и раскулачиванию выступления в защиту религии и церкви были не столь массовыми и активными. Однако они способствовали существенной корректировке и смягчению антирелигиозной политики в 1931 г.

В *заключении* сделаны основные выводы диссертационного исследования.

Вероисповедная политика на рубеже 1920-1930-х годов включала в себя сразу несколько направлений. Законодательные акты в области религии в конце 1920-х годов не соответствовали намеченным задачам сворачивания «религиозного нэпа». Требовалось новое законодательство, способное существенно ограничить деятельность религиозных общин.

Курс на усиление антирелигиозной борьбы был провозглашен в 1929 г. До этого Церковь уже была лишена движимого и недвижимого имущества, которым ей разрешалось пользоваться только на правах аренды. С 1929 г. у Церкви не осталось права на религиозную пропаганду, распространение веры, организацию частного обучения, богаделен, лечебниц и т.п.

Ни один официальный центральный или региональный документ не призывает к масштабной антирелигиозной кампании, тем не менее, новое законодательство и его восприятие на местах оформили вероисповедную политику в крупную антирелигиозную кампанию. Основным методом ее реализации стал административный подход. Антирелигиозная пропаганда была поставлена неумело и в значительной степени сводилась к кампанейщине. Союз воинствующих безбожников стабильно отличался неудовлетворительной работой и нехваткой кадров.

Неразрывной была связь антирелигиозной кампании и коллективизации. Сопротивление коллективизации и раскулачиванию и сопротивление антирелигиозной политике шли бок о бок, в какие-то моменты сливаясь в единое русло, когда-то отчетливо разъединяясь. Всё зависело от конкретной ситуации, и чётко разграничить эти линии протеста до степени однозначности невозможно в силу специфичности архивных материалов, зачастую представляющих борьбу верующих и священнослужителей за свои храмы, как борьбу против коллективизации и раскулачивания.

Сопротивление верующих антирелигиозной политике, как и сопротивление крестьянства коллективизации и раскулачиванию, проявлялось в активных и пассивных формах. Виды активного сопротивления: массовые выступления, террористические акты, деятельность контрреволюционных организаций и группировок, мелкое хулиганство. Виды пассивного протеста: агитация, письма во власть (самый массовый вид), слухи, оплакивания, листовки и т.п.

Единого организованного движения сопротивления антирелигиозной политике в том виде, в котором его представляли спецорганы, как контрреволюцию, войну против государства, в регионе не было. Но в большинстве случаев верующее население не могло спокойно воспринимать откровенное богохульство и надругательства, происходившие в отношении храмов и священнослужителей. Нет оснований также говорить о том, что сопротивление антирелигиозной политике было составляющей частью борьбы с коллективизацией.

**Статьи по теме диссертации, опубликованные в ведущих периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:**

1. *Батченко В.С.* «Закреть и разобрать...» // Родина. 2011. №11. С.105-107. – 0,2 п.л.
2. *Батченко В.С.* Современная историография о сопротивлении крестьянства антирелигиозной политике государства в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 4 (24). С. 193-199. – 0,4 п.л.
3. *Батченко В.С.* Крестьянское сопротивление антирелигиозной политике государства в конце 1920-х – начале 1930-х годов: опыт составления электронной базы данных (на примере Западной области) // Труды ИРИ РАН. 2014. Вып.12. С. 372-381. – 0,5 п.л.
4. *Батченко В.С.* Терминология в работах зарубежных советологов как важный инструмент в изучении церковной истории СССР 1920-1930-х гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 1 (29). С. 259-265. – 0,4 п.л.

**Статьи в других изданиях:**

5. *Батченко В.С.* Практика закрытия церквей в 1929-1930 гг. (на примере Западной области) // Диалог культур и цивилизаций: Материалы XI Всероссийской научной конференции молодых исследователей. Тобольск: Изд-во ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010. С. 65-66. – 0,1 п.л.
6. *Батченко В.С.* Постановление «О религиозных объединениях» 1929 года и провинциальные религиозные общины // Исторические записки. 2011. №14 (132). С. 215-235. – 0,9 п.л.
7. *Батченко В.С.* Правовое сопровождение антирелигиозной кампании советского государства в 1929-1930 годах (на примере Западной области) // Современные проблемы юридической науки и практики: сб. научных трудов. Н. Новгород: Издатель О.В. Хлющева, 2011. С. 276-285. – 0,5 п.л.
8. *Батченко В.С.* «Жуковское дело» как кульминация борьбы власти и церкви в Западной области (1929-1930 гг.) // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории Нового и Новейшего времени (сборник международной конференции молодых учёных, РГАСПИ). Москва: Политическая энциклопедия, 2014. С. 40-44. – 0,2 п.л.